

ИСТЕРИЯ I. АННА O.: ПРИСОЕДИНИТЬСЯ К АКТУ

Прошло уже больше века с тех пор, как Фрейд опубликовал «Исследования истерии» совместно с Йозефом Брейером. Они пришли к заключению, что «постольку, поскольку можно вести речь о причинах, по которым люди приобретают неврозы, их этиологию следует искать в сексуальных факторах» (Breuer & Freud, 1895, p. 257). Как сегодня, более ста лет спустя, практикующие психоаналитики расценивают значимость сексуальности в неврозах? Их ответы будут различными, но никто не отрицает, что она важна. Когда Фрейд сам пересмотрел этот вопрос через двадцать лет после «Исследований истерии» (Freud, 1914a), он вернулся к первому случаю, который послужил толчком к его теориям. Это была не его пациентка, но Брейера, Берты Паппенхайм, которую Фрейд решил называть «Анна O.». Чем больше мы узнаем о том, что не было разглашено об этом лечении, тем нам яснее, насколько оно повлияло на Фрейда в дальнейшем. История, как она была известна Фрейду, не полностью изложена в исследовании случая Брейером. То, что мы сегодня о нем знаем, более понятно в терминах современного психоанализа. Я хочу подчеркнуть, что подробности, не включенные в отчет Брейера, были известны Фрейду, и он знал, как дальше складывалась жизнь Берты Паппенхайм, поскольку его жена была ее подругой. Ко времени совместной

публикации в 1895 году и Брейер, и Фрейд знали, что она более или менее здорова и живет во Франкфурте.

В ноябре 1882 года, когда Фрейд был новоиспеченным двадцатишестилетним доктором, он услышал клинические подробности этого случая от Брейера, через пять месяцев после прекращения лечения. Если бы он даже не узнал ничего больше о данном случае, это обеспечило бы его материалом, необходимым для его ранних теорий бессознательной ментальной жизни, вытеснения и конверсии. Однако теперь мы знаем, что однажды, жарким летним вечером 1883 года, когда они вдвоем с Брейером обедали в расслабленном состоянии духа, тот дал Фрейду гораздо более непринужденное, неформальное и интимное описание случая. Оно раскрыло эротическую психо-драму, которая разыгралась в ходе лечения и потенциально предоставила Фрейду сырой материал для его теорий Эдипова комплекса, идентификации, переноса, контрпереноса, навязчивого повторения и отыгрывания вовне. В обобщающей части «Исследований истерии», написанной Фрейдом, мы находим его первое опубликованное высказывание о феномене «переноса» (Übertragung): «...пациентка пугается, обнаружив, что переносит на фигуру врача неприятные представления, порождаемые содержанием анализа» (Freud, 1895b, p. 302). В этом фрагменте он не упоминает лечение Анны О., но теперь ясно, что он имел в виду. К сожалению, это не принесло Брейеру такого потенциального инсайта, поскольку он, похоже, остался тяжело травмирован этим опытом и был не способен извлечь из него пользу. В письме, написанном в 1907 году, Брейер поясняет спрашивающему, почему после Анны О. он не применял аналитический метод для лечения невротиков, но направлял их к Фрейду:

«Я в то время многое узнал — многое, что имело научную ценность, но также извлек важный практический

урок, что невозможно для «врача общей практики» лечить такие случаи без того, чтобы его занятие и его образ жизни были совершенно разрушены. Я тогда поклялся никогда больше не подвергать себя столь суровому испытанию» (Grubrich-Simitis Ilse, 1997, pp. 26-7).

Даже через тринадцать лет после лечения, во время опубликования работы об этом случае в 1895 году, похоже, все, окружающее этот случай, было густо насыщено переносом и контрпереносом. Даже выбор фиктивного имени «Анна» для Берты Паппенхайм кажется особенно значимым. Фрейд дал своей младшей дочери то же имя в том же 1895 году. Дидье Анзье (Anzieu, 1986, p. 13) предполагает, что вдова Анна Лихтейм не только подарила это имя как Анне Фрейд, так и Анне О., но также была той пациенткой, которую Фрейд замаскировал под именем «Ирма» в своем знаменитом сне об инъекции Ирме. Элизабет Янг-Брюль в биографии Анны Фрейд полагает, что фигура «Ирмы» является сгущением Анны Лихтейм и Эммы Экстайн, пациентки, чью ятрогенную болезнь Фрейд почти фатально проигнорировал из-за того, что идеализировал Флисса, оставившего у нее в носу хирургический тампон (Young-Bruehl, 1988). Если это так, присутствие Ирмы во сне Фрейда репрезентирует контрпереносное сексуальное притяжение, медицинские проступки, разочарование в идеализируемых коллегах и беременность его жены. Все эти элементы присутствуют в лечении Брейером Анны О., и на тот момент были Фрейду известны. Он также знал об эротическом переносе по собственной работе и о значимости эротического контрпереноса по самоанализу. Впоследствии Фрейд доверил Карлу Абрахаму утаенные свободные ассоциации на сон об инъекции Ирме и свою интерпретацию этого сна. Он писал: «Под ним скрывается сексуальная мегаломания, три женщины, Матильда, Софи и Анна, — крестные моей дочери, и я обладаю ими всеми!»

(Abraham & Freud, 1965, p. 29). Фрейд не позволил такому не подлежащему разглашению знанию стать затормаживающим источником стыда, как это произошло с несчастливцем Брейером, — оно стало великим прозрением и основой для его непрерывно развивающихся идей о переносе и контрпереносе.

«Факт возникновения переноса в его грубо сексуальной форме, будь то любовного или враждебного, в каждом лечении невроза, хотя его и не желают, и не возбуждают ни врач, ни пациент, всегда казался мне самым неоспоримым доказательством того, что источник движущих сил невроза заключен в сексуальной жизни... Для меня этот аргумент остался решающим, вдобавок к более специфическим данным, полученным в аналитической работе» (Freud, 1914a, p. 12).

Тот факт, что Фрейд не предал огласке такую информацию, означал, что некоторые из наиболее ключевых источников его убеждений оставались утаенными. Он частным образом поделился неразглашенными подробностями случая Брейера/Паппенхайм с Эрнестом Джонсом, который включил их в биографию Фрейда (Jones, 1953, pp. 246-8). Однако в одном ключевом отношении Джонс запомнил эту историю неправильно, а именно — когда была беременна жена Брейера. Зачатие этого ребенка не последовало за прекращением лечения Берты Паппенхайм, как написал Джонс, но произошло параллельно ему (Ellenberger, 1993, p. 264). Ребенок Брейера родился 11 марта 1882 года, когда Анна О. все еще проходила лечение. Девочку назвали Дорой — еще одно имя, которому было суждено стать позаимствованным для классического психоаналитического случая. Как я буду говорить ниже в этой главе, такая поправка в отношении време-